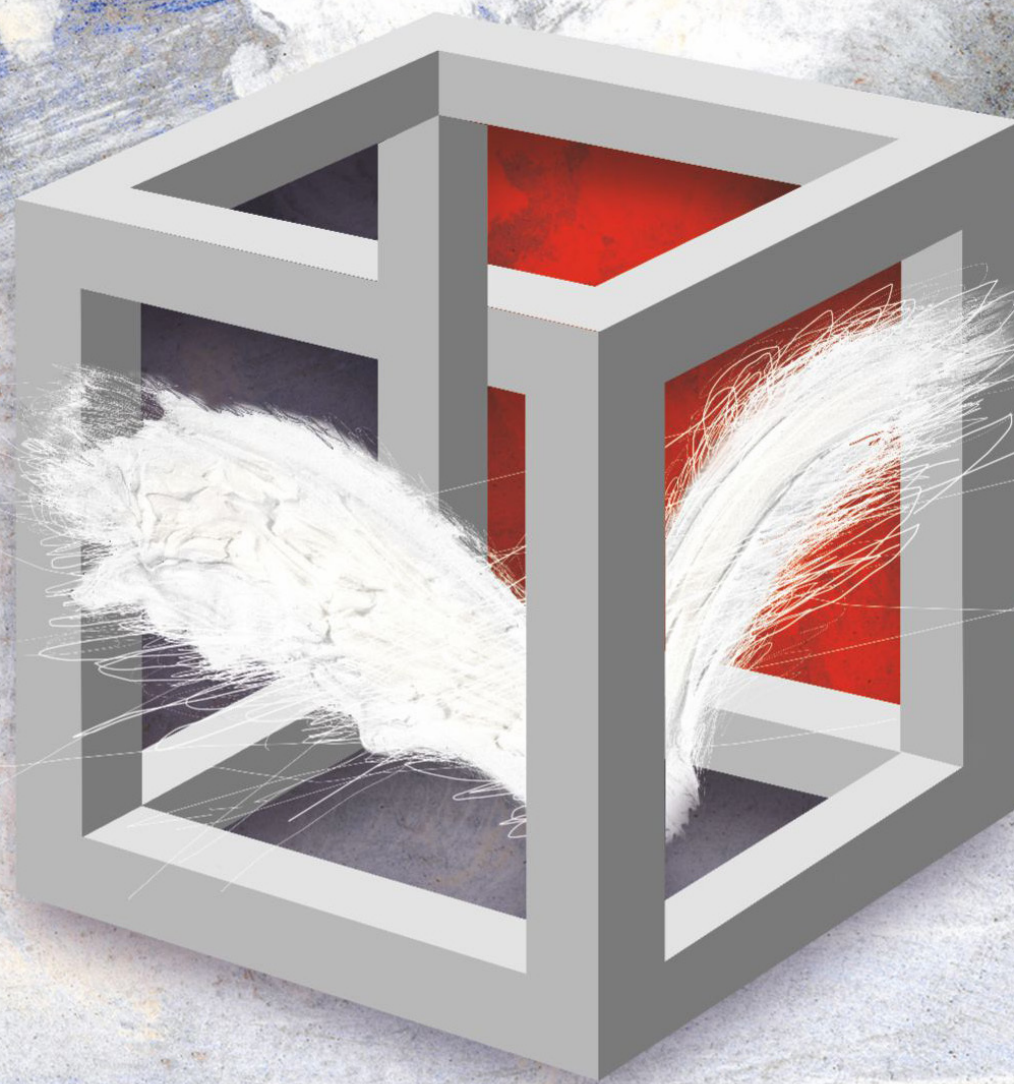

НАТАША ВЛАЩЕНКО

ПОД НЕБОМ
АУСТЕРЛИЦА

Наташа Влащенко
Под небом Аустерлица

«Фолио»

2018

УДК 821.161.1(477)

Влащенко Н.

Под небом Аустерлица / Н. Влащенко — «Фолио», 2018

ISBN 978-966-03-8114-8

Самой большой ошибкой было бы думать, что этот роман – произведение «на злобу дня», художественная реконструкция реальных событий. На самом деле, это попытка передать историю человека, которого идеализм подвел практически к краху. Единственное препятствие на пути к катастрофе – профессия, дело, которое любит героиня. История Марьяны Морозовой – это инсталляция накаленной, тревожной атмосферы последних лет в Украине. Этот роман не о политиках и их окружении. «Под небом Аустерлица» – роман о том, как трудно выбирать свободу. Потому что если и стоит нам с вами что-либо хранить, то только наш идеализм – единственную монету, за которую покупается свобода.

УДК 821.161.1(477)

ISBN 978-966-03-8114-8

© Влащенко Н., 2018

© Фолио, 2018

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Наташа Влащенко

Под небом Аустерлица

© Н. Влащенко, 2018

© Е. Ю. Левская, художественное оформление, 2018

Предисловие

Этот роман писался одновременно с моей предыдущей документальной книгой «Кража, или Белое солнце Крыма». В какой-то момент я поняла, что мне нужны «самоволки», возможность расслабиться и не быть точной и ответственной, как того требовал текст документального расследования.

И я начала писать эту книгу с конца. Первыми читателями первых, не до конца выписанных, глав стали мой друг и коллега Олег Ельцов и его жена Наташа. Начальные четыре главы они прочитали довольно быстро и прислали достаточно оптимистичные отзывы, что вдохновило меня на дальнейшую работу.

Обоих интересовали прообразы героев. И мне было довольно сложно объяснить, что реальные события я использовала как расходный материал. У меня не было цели воссоздать их средствами художественного произведения.

Поэтому не ищите тут реальных прототипов – их нет, возможно, только знакомые лекала. Конечно, события и герои романа могут показаться смутно узнаваемыми. Те несколько человек, которые прочитали роман еще до опубликования, энергично пытались угадать, кто есть кто – и... попадали пальцем в небо. Нет смысла распознавать в повествовании и знакомые фамилии. Под каждый персонаж я назову вам с десяток, и все смогут более или менее без проблем натянуть на себя предлагаемый театральный костюм.

Просто дело в том, что в процессе работы действительность у автора расплзлась, как расплзается в пальцах только что вынутая из старого сундука ткань. Реальность тускнеет и становится бессмысленной уже через час после свершившегося, уходя в тень прошлого и растворяясь в нем.

«Под небом Аустерлица» – роман о любви, о том, какую жизнь мы проживаем. Здесь и сейчас.

Это роман о той атмосфере горечи, потерь, предательства, беспредельной веры, надежд, в которой мы тонем и захлебываемся в последние годы, но продолжаем жить. Потому что это единственное, что мы можем себе позволить. Здесь и сейчас.

Роман о том, что все возвращается и за все надо платить...

Так что не сравнивайте и не угадывайте.

Просто поверьте, история о том, как «порвали парус», в тысячи раз честнее, чем попытка что-нибудь пафосное соврать о действительности, притрусив это впечатляющими деталями и скорым пеплом забвения.

Глава 1

Когда-нибудь потом...

Киевская область, 2018, март

...Скоростная трасса была погружена в абсолютную темноту. Никогда в жизни она не видела такую огромную луну. Полный диск висел над лесом, как декорация в провинциальном театре.

Станным образом сохранившаяся на ФМ-волнах радиостанция «Вести» больше не фонтировала молодыми смеющимися голосами: «В эфире программа “Циники”». Вместо этого красивый мужской баритон читал строки, которые она знала наизусть с детства: «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, – подумал князь Андрей, – не так, как мы бежали, кричали и дрались, совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, – совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу...»

Марьяна думала о том, что люди редко бывают счастливы именно потому, что ищут что-то другое, что-то «кроме» доступного, находящегося на расстоянии вытянутой руки. Многих почему-то не устраивает теплое плечо на рассвете, чашка горячего кофе на веранде, ребенок, улыбающийся во сне. Все вроде бы декларируют привязанность к простым радостям, но подсознательно тянутся к необъяснимо темному и одновременно смешному, как в фильмах Тарантино. К чему-то, что неизбежно утаскивает их в водоворот событий, где нет места не только счастью, но и просто жизни, где она сжимается, как шагреневая кожа, и в один прекрасный зимний вечер совсем пропадает. Что ж, когда ты думаешь, что все кончено, все только начинается. И не тебе определять, где начало, а где конец твоей личной истории.

...Сумерки сгустились, заползли в машину рваными клочьями тумана, лобовое стекло мгновенно обрастало льдом, как бы намекая, что нечего делать в такую ночь на дороге, пора домой.

Марьяна включила музыку, стараясь не прислушиваться к тянущему под ложечкой ощущению тревоги и тоски. И с почти радостным облегчением увидела, как на приборной панели загорелся значок «недостаточно бензина».

На Socar было пусто, и заспанный бородатый мальчик странно долго делал ей «американо» навынос, словно не хотел, чтобы она опять выходила в эту бесконечную снежную ночь...

– Метет... – Он внимательно посмотрел на нее, подавая коричневый стаканчик с кофе. – Может, немного виски?

Марьяне нравилось с ним разговаривать. Время как будто вручную растягивалось до вожделенного состояния покоя и сонной радости, хотелось продлить эти минуты комфорта, тихого гудения кофе-машины и шипения каких-то неведомых восточных блюд.

Улыбнулась широко:

– Нет, я за рулем. Скоро буду в тепле. Там и выпью.

Он кивнул, словно они были знакомы когда-то, и дал сдачу вместе с чеком.

Звучал Рахманинов. И этот факт добавлял нереальности происходящему. Матерь Божья, на заправке, пусть и элитной, Рахманинов, как в знаменитом кафе «Будапешт». Однажды она с друзьями ужинала в этом легендарном кафе и была потрясена счетом, который принесли за скромный ужин.

«Счет не за ужин, а за легенду, за причастность!» – смеялся друг над ее растерянностью. А потом уже смеялась и она, вспоминая нечто крошечное на блюде, которое принес официант, похожий на генерала в отставке.

Марьяна присела в углу, разглядывая пустой зал с одиноко сидящим в трех шагах от нее мужичком. У мужичка тоже был кофе. Что-то в его облике и манере быстро отводить глаза мгновенно ее насторожило. Где-то она уже видела это лицо, этот белесый взгляд, это умение присутствовать, не присутствуя. Мгновенно почувствовала себя, точно напряженная рояльная струна, готовая лопнуть в любую минуту.

«Б...дь, так недалеко и до паранойи», – подумала Марьяна и отвернулась. Но чувства покоя больше не было. Она встала и пошла к машине. Краем глаза увидела, как белесый тоже поднялся и повололся куда-то в темноту. Стало легче.

...Горячий кофе взбудрил, собрал внутри пазл, как в ее любимой детской игрушке «калейдоскоп». Марьяна засмеялась, покосилась на лежащую в двери пачку сигарет, забытую две недели назад здесь редактором... Интересно, как он теперь без нее?

Да и ладно. Незаменимых нет. Разве она не знает, как быстро находят новых любимых после их потери, новых сотрудников после скандала расставания, новых друзей после легко объяснимого предательства? И много поводов жить после смерти? То-то же...

Поймала себя на том, что думает о себе в третьем лице, словно посторонний рассказывает о ней перед судом присяжных: не боится, не хочет, не ждет... Словно ощупывает собственные отношения с собой же.

Зазвонил телефон. Номер не определился. Марьяна включила громкую связь:

– Слушаю!

На той стороне молчали.

Она спокойно отключилась, внимательно вглядываясь в темноту.

Еще звонок. Ага, это Анька!

– Марьяш, ты где, радость моя? Ну, можно было чуть пораньше выехать? Мы тут извелись, ждем, без тебя не начинаем. Мы же с Петькой интеллигентные люди! (Смешок.)

– Анюта, я скоро буду! Еще минут двадцать, не волнуйся! Спасибо тебе, Анька! Я тебя люблю!

– Ого! Прекрасная Марьяна вечер начинает с признаний! Программа «Пусть говорят!». Ты чего это, солнце? – в трубке раздался хохот Аньки, явно отчего-то смутившейся.

– Ничего, все норм. Просто так. Скоро увидимся!

Машина развернулась на трассе и въехала в лес. Огромные ели, удерживающие сказочные хлопья снега. Матрица. Неожиданно она вспомнила, как год назад Игорь чуть не погиб в таком же лесу, под австрийским небом, которое они потом вдвоем называли «небом Аустерлица» и смеялись. И еще он любил повторять: «Детка, ты спасла мне жизнь. Надеюсь, я твою взамен сделаю счастливой».

...Дальний свет выхватил впереди несколько машин с погашенными фарами. Машины стояли поперек дороги.

Марьяна автоматически посмотрела в заднее зеркало. За ней шла еще одна, с включенными фарами. Глянула на часы. Полночь. Сын спит...

Заглушила мотор. Быстро написала смс-ку в WhatsApp: «Ты знаешь, как поступить». И разослала по трем адресам.

У машин стояли безмолвные люди. В лунном свете их фигуры казались призрачными.

Марьяна спокойно вынула ключ из замка зажигания, замотала шарф, натянула поглубже шапку – и шагнула в темноту.

Глава 2

Под небом Штубайталя

Австрия, 2016, декабрь

...Он открыл глаза, осторожно попробовал пошевелить ногой и вдруг понял, что ничего не чувствует. Глубоко вдохнул и попробовал еще раз. Никакого результата. Рядом валялась сломанная лыжа и коричневая лыжная перчатка. Эти перчатки в прошлом году подарила ему Марьяна.

Игорь Мариненко, один из самых могущественных политиков Украины, лежал в сгущающихся синих австрийских сумерках впервые за многие годы абсолютно один и понимал, что его положение более чем серьезно.

«Боже, сколько я здесь пролежал? Неужели я здесь замерзну и никто не придет? – подумал он и попробовал засмеяться. Получилось какое-то невнятное бульканье. – Телефон! Где мой телефон?»

Дрожащими пальцами расстегнул шлем, осторожно ощупал равномерно гудящую голову и с удивлением почувствовал противную липкую жижу. Можно было не смотреть. Он знал, что это кровь. Пальцы не слушались, тряслись в такт колотящемуся сердцу.

«Под небом Аустерлица, б...дь!» – почему-то подумал он и почувствовал горячие злые слезы на щеках. И именно эти слезы его испугали. Он так давно не плакал, что забыл о самой возможности это делать.

Экран телефона был темным, как австрийское небо. Марьяна утром предупреждала о том, что зарядки осталось на пару часов, но он равнодушно махнул рукой: кому на хер нужен этот телефон?!

Вдалеке остановился подъемник. На этой горе не было ночного катания. Впрочем, даже если бы и было: его вынесло в лес, в кустарник, откуда фиг докричишься, даже если захочешь.

Игорь устало закрыл глаза. Хотелось спать, но он знал, что спать нельзя: мороз становился сильнее. Если он уснет, то под утро найдут окоченевший труп.

Усилием воли он заставлял себя перебирать возможности спасения: «Думай, старик, думай! Думай, б...дь!»

Интересно, Анне скажут, что он не на форуме, а на лыжах с любовницей?

И ищет ли его Марьяна, хватилась или пошла в свой СПА, считая, что утренней ссорой исчерпана сегодняшняя коммуникация?

Он закрыл глаза и по старой привычке попробовал мысленно составить список возможных выходов. Список был коротким и состоял из фразы: «Господи, лишь бы они нашли меня до темноты».

...Через полчаса окончательно стемнело. Издалека долетали звуки деревни, и казалось, что-то невидимое наваливается на него тихо, но неумолимо... «Господи, так вот как это бывает... Когда ты совсем не ждешь... Приходит она и говорит: “Пора, старичок! Пора!”». Мариненко застонал и попробовал привстать, но получилось какое-то невнятное клокотание и слабое дерганье. «Господи, как хочется спать! Может, уснуть хотя бы минут на пять?»

...Чтобы не уснуть, он начал медленно перебирать события последних дней, словно надеялся разложить все по полочкам и отыскать спасительную связующую нить.

Как он здесь оказался?

Еще три дня назад флегматичный, рано располневший и польсевший Книжник (именно так называли его во фракции) мрачно предупредил всех на ночной сходке:

– Никому не расползаться! 30-го голосуем бюджет, возможно, все затянется до утра.

Долговязый, обросший густой черной шерстью Диджей (прозвище прилепилось намертво) закричал неожиданным фальцетом:

– А кто это решает? Что 30-го? У меня билеты на Всемирный Форум Западных Доноров Будущего!

Ярослав Маменька, забавный толстячок с густой щетиной, скривился:

– Брось, сынок, а что, без тебя этот сет не сыграют?

Все заржали.

Диджей залился густой краской и блеснул очками:

– Вас не спрашивают! Остричь будете в НАБУ, там вами давно интересуются.

– Нервничает пидорас, – мелко захихикал Маменька в ухо Игорю, практически ткнувшись пухлыми губами в его пуловер небесно-голубого цвета. Игорь повел плечом, легко вскочил со стула и прошелся к окну.

Депутаты помалкивали, тупо уставившись в айфоны. Писали любовницам, партнерам и в Фейсбук.

За окном падал густой тяжелый снег.

– Друзья мои, ну, может, хватит этой х...ней заниматься?! Хочу – не хочу... Сорокаворовка. Этому дам – этому не дам, – мурлыкал он, не оборачиваясь к товарищам по оружию. – В общем, 30-го все в зале, карточки у Книжника. На контроле у Лидера лично. Билеты, в случае неповиновения и наличия особого мнения, вам поменяет партия!

И он весело заржал, победоносно сверкая бритым черепом и боевым разворотом спортивного торса. Ему вторил «мелкий бес» Маменьки.

Гладко зачесанная блондинка с голубыми глазами и бусами нарядной учительницы наконец подняла глаза:

– Игорь Владимирович, но ведь никто из нас еще не видел бюджет. – Густой румянец залил лицо дамы.

– Мария, дорогая, – вскрикнул он, точно раненый зверь, – вот объясните, зачем вам «видеть»?! Зачем вам это видеть?! Вы отлично знаете, что проголосуете независимо от этого малозначительного обстоятельства.

Блондинка вспыхнула, как факел, и прикрыла щеки руками.

– Но мы же депутаты и должны нести хоть какую-то ответственность...

– Должны – так несите! – заорал Игорь и бросился вон.

Раздался грохот двери, закрывшейся за Мариненко, и депутаты с облегчением заерзали на стульях задами разного калибра.

– Ну что ж, продолжим, – меланхолично вздохнул Книжник, тускло поблескивая ранней плешью и одергивая пиджак размера на два меньше. – Внезапно покинувший нас коллега в чем-то, безусловно, прав. Кто не разобрался в бюджете, тот уже не разберется. И не надо. Как говорится, жила бы страна большая – и нету других забот. Голосование перед Новым годом неизбежно, как бой часов в полночь. И вы проголосуете, чтобы не ходить потом в кабинет к Ясиненко...

Тут он остановился и широко повел рукой в сторону голубоглазого худощавого шатена с великолепным девичьим румянцем, словно тот, выпив стакан козьего молока и закусив краюхой хлеба, примчался только что через заснеженные поля на заседание фракции.

Шатен смотрел поверх голов и улыбался той загадочной улыбкой, которая предназначалась всем и никому одновременно. Он как бы не опровергал, что все эти неприятные люди рано или поздно припрутся к нему в кабинет АП чего-то просить и ему это уже заранее тягостно,

но в то же время дистанцировался от них, как звезда Голливуда: не до вас, мол, Родина в опасности.

Но всего этого Мариненко уже не слышал.

– В «Гудром»!!! – заорал он вскинувшемуся ото сна водителю Шурику, преодолев в три прыжка снежную тропинку от крыльца ВР к калитке в ограде.

Шурик обиженно пожевал губами и на ощупь завелся.

«За...бал, – вздохнул привычно, – уволюсь!»

В ресторане «Гудром» всегда людно, независимо от обстоятельств – война ли за порогом, любовь ли, бедность... Депутаты из Комитета по налогам что-то перетирают в углу с бандитами, элитная косметичка шепчется за маленьким столиком с подругой, известная журналистка с бывшим министром дегустируют вина, глава Ощадбанка с женой вдвоем проводят счастливый вечер с телефонами – каждый со своим.

Марьяна в углу одна – говорит по телефону. Кажется, что она всегда говорит по телефону.

Марьяна – давнее его «приобретение». Познакомились во время Евромайдана. Переспала с ним в первую же встречу. Но вдруг он почувствовал себя униженным и использованным. И покатилося...

Игорь идет к ней, досадливо кивая на приветствия: «Твою мать, завтра все будут шептаться: что, мол, он тут делал с этой журналисточкой? Да и какая, на хрен, журналисточка – 35 лет, позади развод, в наличии четырнадцатилетний сын, успешная карьера и породистый зад. Господи, зачем она мне нужна, зачем мне все это надо?..»

Плюхнулся на стул.

– Привет!

– Привет! Будешь ужинать?..

– Нет. Я жду тебя в машине. Что мне здесь делать? Все глазают, как идиоты.

Она поднимает глаза. Смотрит с любопытством, как на насекомое. Господи, дать бы пощечину. Да ведь нельзя. Эта точно не стерпит. Не хватало тут еще устроить...

Игорь смотрит, как она отправляет кому-то смс-ку. Потом равнодушно произносит:

– Я улетаю завтра в Австрию. Договорилась в редакции о неделе передышки. Больше не могу...

Так. Спокойно-спокойно. Пусть едет. Он – нет. Он – не может...

Он не может уехать на Новый год – семья, бюджетное заседание, да и Лидер не поймет...

К столику подсакивает какой-то пидарчонок в розовой рубашке и идиотском переднике:

– Что-нибудь желаете?

– Еще не выбрал! – тяжело роняет Мариненко, не отводя глаз от Марьяны. И вдруг неожиданно для себя хрипло произносит: «Я полечу с тобой!»

Она совсем не удивляется, только улыбка слегка трогает прелестное лицо. (Господи, откуда у гражданки из Сумской области эти скулы и эти глаза!)

– Отлично. А теперь я должна ехать. У меня еще интервью.

И покидает столик, не попрощавшись и не оглянувшись.

«Сука», – думает Игорь.

«Игорь», – думает сука.

...Плотная густая тьма окружает лежащего в снегу человека. Он не может ни встать, ни пошевелить окоченевшими руками и ногами, иногда стонет, иногда замолкает, точно впадая в беспомощность. И звезды склоняются все ниже над его головой.

Игорь открывает глаза. Мысленно возвращается к последней ночи перед отлетом. Тогда даже не успел поужинать. Позвонили из Администрации. Лидер вызывал на встречу. Игорь скривился: «Странно, только начало десятого, обычно страсть к обсуждениям крепнет к часу ночи».

Сел в машину к обиженному Шурику:

– Едем на Банковую.

Шурик покорно завел мотор и выключил радио. Игорь ненавидел посторонние звуки в машине. Вайбер вспыхнул сообщением. Марьяна без комментариев выслала ему свой билет. Жест был понятен: хочешь попасть на один рейс – думай. Да, ночь, но я тебе не нянька.

Лидер ужинал в кабинете в одиночестве. За неделю, пока не виделись, лицо еще больше отекло, а мешков прибавилось. Обнялись.

– Выпьешь чего-нибудь?

– Не хочу. Устал... Впрочем, виски.

– Игорь, ты знаешь, как важно голосование 30-го. Люди готовы?

– Практически со всеми переговорили. Пидорас этот Плохиш торгуется, как последняя шляха на Окружной. Им нужен янтарь, им нужен «Укрспирт» и еще пару комитетов. С Самаритянином я договорился... Все будет о'кей. Володя... эээ... я завтра утром на неделю улетаю...

– Ты сдурел? Какой «улетаю» накануне такого голосования?! Б...дь, вы тут все с ума посходили!

Он стоял со стаканом напротив – большой, грузный, с глазами навывкат, чрезвычайно опасный, готовый ударить, но Мариненко не было страшно. Он с юности помнил эту стойку Лидера, которую в спокойные минуты их дружеских посиделок называл «бычьей», совсем ее не боялся и знал, что нужно просто переждать этот приступ гнева.

– Игорь, ты не хочешь заниматься фракцией? Тебе насрать на страну? Да что там на страну! Тебе же на меня насрать! Но, Игорь, я тебя накажу, и ты знаешь как. Потому что есть одна вещь, на которую тебе никогда не насрать, – это деньги!!!

Он бегал по кабинету, орал, но Игорь уже понимал: гроза миновала и он завтра улетит, дав ночью все необходимые распоряжения.

Утром в самолете, сразу же после взлета, Марьяна уснула. Он читал, но время от времени с удивлением разглядывал профиль мадонны, упрямо сжатые губы, веснушки, легкие морщинки у глаз. И вдруг она улыбнулась во сне, и сердце у него оборвалось в предчувствии чего-то такого, что и сам он не мог объяснить.

... Человек на снегу уже давно потерял сознание. Но это было не тяжелое забытие, а приятный сон замерзающего человека, которому судьба уготовила последнее тепло перед долгой дорогой в никуда. И в то мгновение, когда вопрос был почти решен, неподалеку раздались голоса и луч мощного фонарика осветил тело в красном лыжном костюме с неестественно вывернутыми ногами.

Люди склонились над ним и кто-то произнес поспешно, сквозь ветер:

– Jungs, es ist hier! (Ребята, он здесь!)

– Rufen sie den Rettungs! (Вызывай спасателей!)

Поспешные переговоры по рациям. И тьма окончательно упала на депутата Мариненко, могущественного друга великого Лидера.

... Очнулся он через двое суток с гипсом на ноге и плотной повязкой на голове. Сквозь марево внутреннего жара и обрывки 48-часового бреда он услышал вдруг ясный и звонкий голос Марьяны: немного отстраненная и очень собранная, она читала ему книгу в плотной коричневой обложке:

«Он раскрыл глаза, надеясь увидеть, чем кончилась борьба французов с артиллеристами, и желая знать, убит или нет рыжий артиллерист, взяты или спасены пушки. Но он ничего не видал. Над ним не было ничего уже, кроме неба, – высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нем серыми облаками. «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, – подумал князь Андрей, – не так, как мы бежали, кричали и дрались; совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, – совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному

небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! Все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме него. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!»

Глава 3

Я куплю тебе новую жизнь

Киев, 2004, декабрь

...Площадь равномерно гудела праздничным гулом.

Над тысячами голов колыхалось оранжевое марево. Марьяна продиралась сквозь этот поток с гулко колотящимся сердцем. Две недели назад она приехала из родного Конотопа в Киев, на Майдан, и жизнь ее понеслась неизвестно куда. Крохотная комната подруги в общезжитии, Помаранчевая революция, гудящий, как улей, город... Казалось, каждую секунду кто-то нашептывает в ухо: «Я куплю тебе новую жизнь...»

Она выросла в неблагополучном мире, который примыкал к другому, слегка отмытому, но не менее жестокому и неблагополучному. Мир этот, с затхлыми подъездами, некрасивыми женщинами и тяжелыми невеселыми праздниками, она ненавидела с детства, мечтая когда-нибудь вырваться отсюда в другое пространство, наполненное светом, смыслом и мужчинами. Эти другие мужчины смотрят на тебя с интересом, и взгляды их обещают защиту и счастье. Все эти наивные и бессистемные картинки почерпнуты ею бог знает откуда: из сотен прочитанных книг (а чтение всегда было ее страстью), любимых фильмов, из одной-единственной встречи в 9 классе – вечера, который она не забудет никогда.

Тогда к ним в город приехала с гастролями популярная группа. Она выпросила у матери 150 гривен на билет, а сразу после концерта отправилась к ним в гостиницу – единственную приличную гостиницу в городе. Такого никогда не бывало, потому что здесь, как в «Безымянной звезде», не останавливались больше, чем на две минуты, даже поезда.

Кумир увидел ее в холле и мгновенно все понял. Пригласил в бар выпить-поболтать. Она знала, зачем эти ребята зовут в бар красивых девочек. Но в этот раз ей повезло. То ли он ее пожалел, то ли понял, что Марьяна несовершеннолетняя... Во всяком случае, ей было подарено почти два часа очень интересной беседы о будущем и о том, что «провинция хороша тем, что отсюда рано или поздно надо уе...ть». На прощание он поцеловал ее в щеку, оставил телефон, подписал диск и ушел спать. Дверь возможностей казалась приоткрытой, но она знала, что никогда не позвонит ему, в этот его комфортный, пахнущий нишевым парфюмом мир.

Главное для нее он сделал – подтвердил, что побег возможен.

С того дня все, что она делала – училась, читала книги, ходила в спортзал, отказывала в романах сверстникам, – было нацелено на побег. Как у классика:

*Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег...
На свете счастья нет, но есть покой и воля.*

Ей было скучно с однокурсниками, соседями по подъезду и даже близкими подругами, которые в глубине души казались чем-то временным, как бы репетицией перед настоящей жизнью и настоящими друзьями. Понятно, что все прочитанные книги «кричали» ей об обратном: дескать, ад и рай ты носишь в себе и все это ты перевезешь с собой, куда бы ни поехала. Но Марьяна отвергала эту литературную логику, надеясь на жизнь, как на самое brutальное, а потому самое действенное лекарство.

Ничего удивительного, что, едва окончив местный филфак, она бежала из своего экзистенциального мрака, как принято говорить, сломя голову и куда глаза глядят. Без денег, без

надежд и без сожаления. Отъезд никак не был мечтой, просто ей хотелось прекратить этот ужас без конца.

Ей сказочно повезло: работу она нашла уже через неделю, о чем с гордостью сообщила по телефону матери, которая, прощаясь, кричала, что Марьяна сдохнет под забором, потом плакала, потом курила с подружкой на кухне и, всхлипывая, жаловалась, что теперь она точно совсем одна.

Подружка утешала:

– Зато твой теперь сможет приходить в любое время, а не только когда она в школе или в институте.

– Свет, да какая, на хрен, разница. Петр женат, и нашему счастью мешала вовсе не Марьяша...

Конечно, мать рыдала. Но Марьяна подозревала, что рыдает она не по поводу ее отъезда, а, скорее, из-за подсознательного сожаления, что сама в свое время этого не сделала, осталась тут, среди этих вонючих дворов со сломанными шведскими стенками, разбитыми рамами в подъездных окнах, кошачьей мочой и неизменно перекрашенными подрастающими дочерьми. Вот это раннее созревание молодых девушек, их прыщи, «смоки»-макияж и неизбежная беременность от очередного Петьки или Кольки казались Марьяне самыми страшными приметами маленьких городков-спутников, из которых вырваться гораздо сложнее, чем перелететь из Лондона в Сингапур.

Вообще с матерью все было так себе: ее быстротечные мужья, дурацкая йога и мини-юбки доставали Марьяну гораздо больше, чем весь Конотоп вместе взятый. Но, конечно, она ее любила, как можно любить человека, который включен в твой обмен веществ, но оставаться рядом с которым смерти подобно.

К Киеву привыкать не пришлось. Практически сразу появилось странное чувство, что она вернулась на родину, что всю жизнь знала эти переулки, холмы, маленькие кафе... Диплома Сумского педуниверситета стеснялась, впрочем, его никто и не спрашивал.

Работа пришлась с первой секунды: небольшой, но известный сайт в партийном офисе, молодой смешливый редактор Коля Мурик и люди, которых она видела по телевизору. Марьяна не смущалась: люди – они и есть люди. Ее пронизательный каштановый глаз мгновенно считывал их страх, вожделие и стремления. Манипулировать было легко, занимательно и занятно. Мурик смеялся: «слушай, так только женщины могут, практически не поднимая век!» Марьяне льстило, что коллектив принял ее почти мгновенно. Так она и запомнит ту зиму: счастье, перемежающееся с почти непреходящим чувством голода: денег критически не хватало, но это было меньшее из зол.

...В кафе на Крещатике людно, пахнет потом, старыми носками и снегом. Марьяна в своем углу почти час записывает свои впечатления от бесконечного людского потока. Время для нее стало неким искусственным конструктом, сквозь который летит жизнь (о да, у нее было именно это ощущение мелькающих сфер вокруг), но летит не к какой-то конечной точке, а просто находится в процессе. И если она не сбавит скорость, мир распахнется, и там будет нечто – то, что смутно чудилось ей лет в пятнадцать-шестнадцать.

В кафе такой движняк, что она даже не видит, а скорее ощущает присутствие мужчины – по специфическому запаху. Мужчины, давно не мытого и не отдохавшего: сигареты, тяжелый пар от зимней куртки, бритая голова, белозубая улыбка. Небольшой, по Марьяниним представлениям, такой себе «веселый гномик».

– Привет!

– Привет! – Марьяна отвечает неохотно, с досадой соображая, что в такой тесноте выбор невелик: либо говорить, либо сваливать на улицу – в зиму, метель, бравурную музыку.

– Меня зовут Зохар, я журналист из «Горькой правды», почти неделю в палатке...

– (со вздохом) А я Марьяна, тоже журналист – из «Контролера».

Зохар весело оглядывает красотку, машет кому-то рукой, цыкает зубом:

– Ну, ты из новеньких? (Пауза.) Да не дрейфь! Я ведь тоже недавно торговал шмотками на Шулявке... Все мы когда-то начинали!

«Вот идиот», – Марьяна начинает молча собирать блокноты в рюкзак, но, по счастью, бритоголовый срывается в чьи-то объятия, выкрикивая на ходу радостные приветствия, и Марьяна с облегчением снова забивается в свой угол.

Скоро митинг, надо будет опять идти к сцене. Она пристраивается за спинами лидеров и охотно слушает их частные разговоры о происходящем на Майдане. Это чертовски интересно, но холодно. Тут они все: Гонщик и Грузин, Администратор и Порошенко. Ну и, конечно, Юля – в обнимку с Ющенко.

Оранжевые шарфики, горящие глаза... Немного алкоголя никогда не помешает революционерам. Она вдруг вспомнила: «Как ни мерзка предреволюционная бюрократия, гораздо омерзительнее бюрократия послереволюционная. Просто до поры она скрыта за артистичным авангардом революции, в которую с удовольствием играем мы все. Потом, когда перформансы и массовку сольют вместе с лужами крови, все станет ясно, но будет уже поздно». Пелевин... Гений каламбуров, мастер механизации производства текстов.

Марьяна слушает и смотрит во все глаза. Любопытные зверушки собрались в одном месте. Вот мордастенький лидер молодежной организации «Пора» Маськин. Очень похож на Шуру Балаганова, с волнением потрясающего щеками перед распилом золотых гирь. Открытый жулик, без всяких ухищрений. Вот он рассекает толпу озабоченным шагом, по бокам – юные холуи. Марьяна удивляется: неужели она одна видит, что за деньги он и родную маму придушить может, нашептывая: «Потерпи, может, обойдется»?

А вот и Саша Зинченко со спокойным, почти обреченным лицом. И Марьяна понимает: его решение вернуться в политику – роковой шаг.

Кто-то сзади стучит ее по плечу, и она, ненавидящая любую тактильность, вздрагивает, еще не повернувшись. В лицо ей хохочет блондинка в пуховике, с ярко-красным пухлым ртом.

– Марьян, это же я, Светка из 10-б!

Марьяна не помнит никаких Светок. Отодвигается на всякий случай сантиметров на пятьдесят. Ей вообще не очень понятен этот многодневный ажиотаж на Майдане.

«Светка из 10-б» не очень трезва, она тянет Марьяну на какую-то встречу неподалеку, где «все ребята из нашей школы». Никаких ребят, тем более «из нашей школы», Марьяна не желает видеть в упор.

– Ты иди, Света, – твердым голосом говорит она, – а я буду минут через двадцать, у меня тут короткая встреча.

Света хохочет, сверкая золотым зубом (господи, когда успела-то в 22 года!), и с криком «Я не прощаюсь» уносится в толпу.

На сцене появляется Порошенко. Он берет микрофон, делает эффектную паузу, и Майдан имеет возможность наблюдать, как на его красивые тугие кудри падает снег. Все это выглядит довольно кинематографично, и оратор, не стесняясь, качает революционную романтику: «Вот видите, я такой же, как вы – простой украинский парень».

Марьяна рассеянно слушает его речь. Несколько месяцев спустя, когда все будет кончено и на скандальной пресс-конференции его назовут коррупционером и барыгой, она совсем не удивится: что-то не то с самого начала было с этой романтикой, она это сразу почувствовала. И все почувствовали. Но потом быстро забыли.

Зато, конечно, хороша была Юля – в белом пальто, с льняными распущенными кудрями, как бы в молитве сложившая ладони к небу. Не то чтобы Марьяну это сильно трогало, но в артистичности и эстетичности Тимошенко отказать было трудно. Как и высокому красивому Британову, примчавшемуся из Москвы поучаствовать в незабываемом экшне. Вообще, Британов любил движняк, его спортивное тело было просто создано для подвигов если не Геракла,

то кого-нибудь другого из античной мифологии. У него тоже были кудри, однако одежда и манеры выдавали иной социальный статус.

На следующий день в Верховной Раде Марьяна протолкается к нему поближе и, записывая короткое интервью, насладится запахом дорогого коньяка и одеколона. Харизматичный Британов ей встретится еще раз – летом 2014-го в Киеве на Форуме, куда он приедет с только что освободившимся Ходорковским, Альфредом Кохом, Белковским и писательницей Улицкой.

И пока Белковский будет втирать кому-то сбоку про «всеобщую фрустрацию в баблос», она опять подойдет к Британову. Она навсегда запомнит это 10-минутное интервью-флирт, во время которого они оба раздумывали, стоит ли продолжить вечером, и это было очевидно, но все же разошлись, так ничего и не предприняв по банальнейшей и вечной причине – не очень-то и хотелось.

А уже 27 февраля 2015-го его убьет какой-то чеченский колхозник, так до конца и не поняв, зачем это делает. Марьяна навсегда запомнит сосущее чувство тоски при виде этого большого, с некрасиво задранной рубашкой, лежащего тела, и впервые в жизни осознает, как нелепа, страшна и неумолима смерть.

Именно в тот момент она впервые вспомнит отрывок из школьной программы про «небо Аустерлица», под которым лежал умирающий князь Андрей Болконский. И прикончит пачку сигарет, в сотый раз перечитывая: «Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме него...»

Ей будет казаться, что Британов в последний миг своей жизни, должно быть, тоже смотрел в холодное московское небо и думал: ничего, ничего нет, кроме него. Ни Москвы, ни марша «Весна», ни 23-летней модели, может быть, только мама – и то где-то очень далеко. А небо – вот оно, можно достать рукой.

...В эту ночь ей не хотелось к подруге в общагу. Потому она и не отказала симпатичному молодому парню в оранжевой шапочке с помпоном вместе поужинать в ресторане за углом. Парня звали Рома, он жил в доме над этим рестораном, был из хорошей семьи. Он и стал ее мужем. Дед – завкафедрой, в доме библиотека, пироги с капустой по выходным и все такое. Почему нет? Девушки должны выходить замуж за молодых, красивых, успешных предпринимателей. А любовь... Если судьба – когда-нибудь догонит. А не догонит, значит, не сильно поджидали.

Когда через три года они расставались и он орал ей вечные мужские проклятия про тварь и суку, она даже не удивилась. Задолго до этого знала свою вину: мужчина и женщина не могут существовать в торричеллиевой пустоте. Да, ее никогда не было дома, и она лишь раз – 2 мая 2005 года – приготовила капустный пирог. Зато ей осталась эта самая квартира над рестораном и Тимофей – счастье всей ее жизни. И Ромкина фамилия – Морозов. Марьяна Морозова. Звучало очень неплохо. Особенно, если бы она пела шансон.

Он хотел вместе с ней участвовать в каком-то французском кино, а она хотела просто жить. Надо было нравиться его друзьям, ходить в его рестораны, слушать бесконечные разговоры о бизнесе. И о «настоящих мужских страхах, до белых костяшек». Но ей было наплевать. На всех этих симпатичных парней и их худосочных девиц, на их наушники, рюкзаки, вежливость, косяки – на все, что Роман называл крутой жизнью.

И она поняла, что они не договорятся.

Знакомство нужно было ограничить той самой ночью, когда она не вернулась в общежитие.

Но – никаких обид. Роман был отличным парнем. И после развода он удивлял ее стабильными денежными траншами и образцово-показательным исполнением роли «воскресного

папы». Иногда ей хотелось, чтобы он нагрубил, но он был безупречен в своем хипстерском прикиде (бушлат от Массимо Дутти, кашемировый свитер, ярко-красные кроссовки) успешного человека из среднего класса, спокойно садящегося в безупречно промытую «хонду-аккорд». Тима его обожал, и ей нравилось смотреть из окна, как они идут по ровному хрустящему снегу – оба неторопливые, спокойные, основательные. Марьяна провожала их взглядом и наливала бокал красного сухого.

После 2007-го она больше не курила. Она не хотела быть человеком, который курит. Иногда после особо тяжелого дня совала в зубы сигарету. Тактильного ощущения было достаточно. В конце концов, все в этом мире – только представления о нем.

... Через девять лет, когда она будет лежать в первый их вечер в кровати с Игорем Мариенко, она спросит себя: разве не к этому она шла все эти годы, заменяя сахар стевией? Разве не готова была она отдать все за одну ночь счастья с человеком, которого считала негодяем еще задолго до знакомства с ним? Но счастье – это не история об отличниках, собирающих вместе макулатуру.

Счастье – это история о тех, кто готов вместе сдохнуть.

Или совершить преступление.

И в этом – его суть.

Глава 4 Врата рая

Вена, 2014, апрель

...В это утро ему совсем не хотелось просыпаться. Он лежал с закрытыми глазами в огромном светлом номере отеля «Хилтон», всем телом ощущая тугие накрахмаленные простыни, слушая звуки птиц за окном, и не мог осознать себя, Валерия Василевича, как одно целое: ему казалось, что руки и голова отделены от тела и разобраны неким злодеем, с которым ему, Василевичу, никогда не договориться.

Сегодня ему предстояла встреча, которая могла всерьез изменить его жизнь. Прилетает делегация из Украины. Год назад они уже встречались почти тем же составом. Только тогда Горенко не был включен в игру. Причина встречи не обсуждалась заранее, но была очевидна: Янукович нарушил концессию и начал отбирать куски у большого бизнеса. Куда-то с ногами влез Юра Иванющенко, куда-то – вечно обнюхавшийся Саша, где-то «прогуливался» по чужим полям счастливый обладатель квартиры в Ницце угрюмый Арбузов.

Наконец Василевич, Ренат и Сережа Большой решили, что пора им искать замену оху... шему властителю. Именно на этой встрече было решено создать альтернативный продукт – Всеволода.

Да он, Василевич, и не возражал.

Он и представить не мог, что меньше чем через год его задержат на венской улице, неподалеку от штаб-квартиры его фирмы, и сотрудник Бюро по борьбе с организованной преступностью по имени Фридрих Ницше в ответ на сопротивление спокойно, с оттяжкой даст ему пощечину, словно герой Гая Ричи из фильма «Рок-н-ролльщик». Василевич очень любил Гая Ричи именно потому, что легко видел себя на месте его героя. Поэтому сцену пережил тяжело и время от времени представлял себе возможную будущую встречу с этим Фридрихом Ницше, полным тезкой любимого философа.

А вот спикер Федерального управления местной полиции был исключительно любезен. «На основании данных многолетнего расследования американского ФБР и ордера на арест, выданного окружным судом США, Национальная прокуратура Вены издала распоряжение об аресте предпринимателя на территории Австрии», – объяснит он с очаровательной улыбкой, наклонившись к многочисленным микрофонам и фотокамерам. Любезность – часть его работы, как и изысканный стиль и пристрастие к хорошим костюмам. Вся Австрия знает его манеру заправлять галстук в рубашку и носить кардиган вместо обычной жилетки. Гребаные европейские хипстеры, безупречные ребята с радушной улыбкой курильщиков опиума!

Конечно, кому-то покажется совершенным безумием, что он, обложенный со всех сторон американскими и австрийскими ищейками, пытается делать украинскую политику. Но, в сущности, что здесь удивительного? В конце концов, каждый выбирает для себя сам: один озабочен тем, что надо бы ванную кафелем обложить, другой тюрьму хочет штурмовать, третий пытается повеситься из-за шлюхи. Но он, Василевич, любит контролировать и приумножать – не по праву родства, как у этих ребят в пижамах вместо футболок, а по праву свободы воли и личных качеств.

Из соседней комнаты вышла Лана. Ланушка... Он вспомнил, как в прошлом году они отмечали ее 41-летие. Сорок лет не празднуют – дурная примета. Пришлось подождать годик. И она получила свои 5000 розовых и фиолетовых цветов и долгожданный подарок – вертолет «Аугуста» за шесть миллионов долларов. Она это заслужила.

Красивая женщина, с которой есть о чем поговорить. И конечно, дети. За Валерия и малютку Еву – отдельное спасибо.

Считает себя дизайнером, да и ради бога! Для умной женщины род занятий – как шуба на голое тело: шуба может быть разной, тело обязано быть безупречным. Лана умна, и некоторая эмоциональная холодность совсем ее не портит, а придает особый шарм, свойственный людям, держащим дистанцию. Он вспомнил, как на каком-то благотворительном завтраке знакомил ее с тогдашней женой Абрамовича – Дашей Жуковой. Женщины никогда прежде не видели друг друга, но сблизилась в полчаса, мгновенно почувствовав общность той редкой породы, которая не позволяет расслабиться ни на секунду ни в джунглях, ни на светском рауте. Впрочем, можно сказать, что они и не напрягаются. Они просто не подходят на смертельно близкое расстояние – ни к мужьям, ни к детям, ни к друзьям.

Теперь Роман и Даша разбежались. Ничего удивительного: молодая амбициозная кобылка и стареющий мачо, теряющий кубики на животе столь же стремительно, сколь и уверенность в своей неотразимости. Она еще не знает, что лет через 10 сравняется с ним в этом бессмысленном страхе увидеть свое отражение в зеркале, все чаще будет ловить себя на желании выпить уже за завтраком, а главное – в понимании того, что гребаная жизнь со страшной скоростью улетает куда-то в трубу. И это не остановить ни за какие деньги.

Поэтому нет смысла в новых женщинах и мужчинах, в новых разводах, скандалах, в новых детях и бесконечных обязательствах.

...Лана деликатно постояла и вышла из номера, тихо прикрыв дверь. Война войной, а «завтрак» по расписанию. Он не стал подавать признаков жизни: сегодня не до того, он экономит силы.

К тому же болела спина. Если честно, эти боли он считал почти сакральными. Худшее из состояний – чувство ответственности – рождало эти боли. И снять их мог только массажист, который приходил каждое утро, чтобы поднять на ноги своего многолетнего знаменитого клиента.

...Через полчаса он лежал на массажном столе и слушал утомительный голос своего личного секретаря Жени Маленького.

Маленький – не фамилия. И даже не кличка. Маленький – это фактура, рост и судьба, как говорил их общий тренер Вова Громила. А Вова Громила знал толк в психофизике. Мог справиться с любой толпой, так как троих укладывал спокойно, «а больше, чем по трое, они не подходят».

– Они придут в 12.00, мой фюрер. Надеюсь, вы помните, что сегодня день рождения Ленина.

– Евгений, устрой там все. Напитки, цветы, официанты и все такое. Мне сегодня снились ужасные сны...

– Ха! Сегодня 22 апреля... Знаете ли вы, босс, что я носил звездочку с изображением Ленина в младших классах? Чудесное было время! Наши родители знали, что все скоро закончится.

– Тебе проще. Мой отец преподавал за 80 рублей в месяц идиотам в автошколе, как не содохнуть на дороге, а мать стыдилась его на семейных праздниках.

– Она стыдилась не потому, что была женой тренера по вождению. Просто она его не любила. Женщины, они же такие твари: если любят, то готовы на любые унижения. А уж если нет, то держись. «Ведь для женщины прошлого нет: разлюбила – и стал ей чужой».

Женя Маленький говорил быстро, небрежно, покачиваясь на носках, нисколько не стесняясь своего могущественного патрона. Василевич по-разному реагировал на это амикошонство. Иногда это его забавляло, иногда раздражало невероятно. Вот и сейчас он застонал под опытными руками массажиста и быстро спросил:

– Они прилетели на самолете Горенко? А-а-а, больно! Саша, ты, б...дь, меня первый день знаешь?! Это не массаж, это испанский сапожок, е...ана!

– Валерий Олегович, переговоры будут проходить в вашем зимнем номере. Распечатка телефонных разговоров каждого за последние три дня – у вас на туалетном столике. Мое мнение простое, как штаны сталевара: я бы никому из этих людей не доверил даже ключи от собачьей будки.

– Женя, других писателей у меня для тебя нет. Бабы на вечер готовы?

– Бабы не понадобятся. Они приехали за судьбой. Нах... им бабы?

– Спасибо, мой друг. Запись с трех камер, два стенографиста, один фотограф. Муха чтоб не проскочила! Меня соединять только в случае крайней необходимости.

...В 12.00 они уже обнимались на восьмом этаже гостиницы «Хилтон» – Василевич занимал этаж полностью. Он внимательно наблюдал за гостями: всех их знал хорошо, кого больше, кого меньше.

Сереза Большой (не потому что высокий, просто дорос), Всеволод, Горенко (отечное лицо, плотно сжатые губы), щупленький брюнет (кажется, помощник Горенко), Мариненко в своем кашемире цвета чайной розы, с бритым черепом, и Очкарик.

Сереза – самый умный, и он друг.

Очкарик – опасен, слова в правде не сказал. Мигнул своим присмотреть – в туалете, в коридоре, на переговорах.

Василевич втайне считал себя физиономистом. «Это мы уже проходили», – подумал он, разглядывая прибывших. Серьезные и значительные лица старых знакомых были немножечко с перебором – так, словно группа мужчин в возрасте, собравшись в парке на скамейке, собирается разглагольствовать о Римской республике или очередной стародавней войне.

Василевич хмыкнул про себя: почти с каждым из этих людей его связывала многолетняя история бизнес-отношений, однако, сколько ни разглядывай «патрициев» (тут он не удержался и хмыкнул вслух), ни к каким особым прозрениям это не приведет. Он быстро сканировал каждого, напрягая профессиональное чутье, проверяя на странности, но не отыскал ни одной. И только вздохнул: «Господи, с кем приходится иметь дело, не на чем глазу отдохнуть».

Его давний конкурент Игорь Замойский терпеть не мог таких людей в своем окружении. Замойскому подавай хардкор, сложные партии – смесь городков, преферанса, шахмат и мордобоя. Василевич же, при всей своей нелюбви к людям простодушным и скучным, морщился от рассказов о фейерверках на яхте Замойского, плохо понимал эти публичные эскапады на тему «кока-колы выпьешь?» и слабости по отношению к журналистам – сколь продажным, столь и тупым.

Василевич любил рассказ о том, как некая журналистка в ответ на издевательские смс-ки Замойского «телеграфировала» седовласому сатиру: «Пошел нах, животное!» И после полу-часового молчания с обеих сторон невинно добавила: «Ой, извините, это я не вам!» Феерично. Жаль, не она придумала.

Первым начал Горенко:

– Мы – тут, в тяжелых северных условиях, без водки и без баб...

Василевич молча, без улыбки, не мигая, слушал вступительную речь. (Сука, что ж ему никто приличного костюма не купит? Богатый же человек! Бродит, б...дь, по миру, как житомирский бомж в рубашке и сандалиях.)

Горенко монотонно продолжал, морщась не то от перепоя, не то от недопитого:

– Сегодня кто-то должен взять на себя ответственность за страну. Так случилось, что кроме меня – некому. Казна пуста, на Востоке – конфликт, за жизнь нашу никто ломаного гроша не даст...

Василевич внезапно вспылил:

– Володя, нах... ты это паришь, мы ж не на съезде! (Всеволод с недоумением трехлетнего мальчика оглянулся на Очкарика.) Вова, давай к делу! Мы все тут знаем, для чего собрались. (Брюнет выпил воды и продолжил рисовать что-то в блокноте.) Если тебе трудно, начну я. (Сережа Большой мечтательно улыбнулся и погладил себя по манжете безукоризненной белой рубахи.) Итак, мы все не хотим Юлю. Ее приход к власти означает большие проблемы для нас.

Василевич взял паузу. Присутствующие отнеслись к этому с удивительным единодушием. Они молча смотрели на Валерия Олеговича, практически не двигаясь, не мигая и не кашляя. Команда олигарха знала привычку шефа мрачно зависать в прострации: секретари были бесстрастны, юрист-американец безукоризненно вежлив. Сережа Большой переждал момент, как пережидают дождь в уютном пабе, расслабленно откинувшись на спинку стула.

Иное дело – варяжские гости. На лице Всеволода застыла странная улыбка, словно его внезапно выключили из сети. Горенко молча смотрел перед собой, играя желваками. Брюнет рисовал, не поднимая глаз. Очкарик всасывал взглядом происходящее. Мариненко с интересом разглядывал Василевича, как подросток жоака на первой блатной сходке.

Игорь вспомнил характеристику Василевича, данную однажды Маменькой: «Помнишь, как Пелевин очень точно отметил, что олигархи – всего лишь люди, и они, в конце концов, тоже сильно отстают от жизни и не имеют никакого понятия о том, какие они сегодня, – просто потому, что им некогда глотать гламурный медиа-отстой. Эта жижа гламура и связанные с ней якобы тайные знания действительно существуют только для бедных. Но Валера – не такой! Валера – мачо и хочет нравиться всем – президентам, женщинам, журналистам и даже немного своему секретарю!»

Игорь читал немного, смутно помнил несколько романов Пелевина, к прочтению которых принудила его Марьяна, но характеристику Маменьки запомнил и теперь с интересом наблюдал за олигархом.

Наконец Василевич улыбнулся. Стало понятно, почему он нравится женщинам. Улыбка решительно приоткрывала другие сущности, скрывающиеся за его небритой физиономией. Казалось, в этой физиономии живет вечность: египетские пустыни, израильское побережье, полтавская степь, снега Килиманджаро... Белесые ресницы, светло-голубые водянистые глаза, от взгляда которых многим становилось не по себе.

– Буду краток, ребятки. Дискуссия и прения не имеют смысла. Если вы хотите знать, под что я дам деньги, то тут никакого секрета нет: вы идете единым блоком и 30 процентов списка – наши.

Сережа Большой перестал улыбаться, но не перестал поглаживать манжету. Женя Маленький засмеялся. Очкарик осуждающе взглянул на него, и стало ясно, что идея не пришла ему по душе. Возможно, он хотел закричать «Грабят!», но вовремя понял всю бесперспективность этой реплики.

– 30 процентов – это чистый грабеж, – подал наконец голос Горенко. – Мы приняли на себя ответственность и риски ситуации, мы потеряли Крым и истекаем кровью на Востоке. Да, нам нужен ваш ресурс, но треть списка нам не простят ни друзья, ни враги.

...Женя Маленький мигнул стенографистам и молча прикрыл за собой дверь. В коридоре на смертельно близком расстоянии от двери стоял официант. Лицо его было напряжено, пальцы сосредоточенно сжимали поднос с грязной посудой. Женя Маленький молча смотрел ему в глаза, покачиваясь на носках. Лицо парня бледнело и покрывалось испариной.

– Кто таков? – промурлыкал Женя, мгновенно подобравшись.

– Денис... – на чистейшем русском ответил белобрысый паренек в белой рубашке и бабочке, делая шаг назад. Маленький нажал «кнопку тревоги» в кармане и профессионально облапил подонка.

Охрана уже была рядом.

– Обыскать и выбить, что эта скотина делала под дверью, – проговорил равнодушно и зашагал прямо по коридору.

«Вот, б...дь, жизнь идет, а я тут хрен знает чем занимаюсь. И Маша спит с этим студентом, к гадалке не ходи».

...В течение 28 часов Женя Маленький не мог покинуть «Хилтон». Даже трехчасовой перерыв на обед не дал такой возможности. У Василевича опять был массаж, работа с энергетиком и консультации с юристом.

– Женя, а что это за х...й с горы в очках? Не знаешь часом?

– Технолог Всеволода. Мы с ним работали. Я работал, ты просто забыл. Дай ему понять, что он в теме и в доле, – и он убедит любого, что земля имеет форму чемодана. Мы должны прямо сейчас доказать американцам, что у нас общие симпатии и общие интересы. Всеволод – мэр, Горенко – президент, что еще надо, чтобы спокойно встретить старость?

– Женя, а сходи-ка к этому х...ю с горы, пообедай с ним. Объясни, что мы – люди благодарные.

– Валерий Олегович, пока моя молодость бездарно проходит в интригах и подкупках, Машка спит со студентом.

Смешок, крошечный глоток виски, вытянутые ноги...

– Машка? – переспросил сонно. – Машка... Брось, другую найдем!

...Через 15 минут в номер Очкарика постучали. Женя Маленький просиял в открытую дверь лучезарнейшей из улыбок. Очкарик скривился и хотел закрыть дверь. Но вместе с улыбкой Женя мгновенным движением протиснул ногу в проем и промурлыкал:

– Ну, брось, наши хризантемы в саду вовсе не отцвели. Есть разговорчик...

– Пошел нах..., ты мне за 2005-й еще должен!

– Душа моя, я ведь и не отказываюсь. Обсудим? По сотовке?

Очкарик с отвращением пропустил прекрасного негодяя в глубину номера. И потекла неторопливая беседа при выключенных телефонах («батарейки на стол, скотина!»), заглушаемая звуками телевизора.

Ровно через полтора часа Женя Маленький мчался по огромному коридору «Хилтона», фальшиво напевая: «Отцвели-и уж давно-о хризанте-емы в саду! Но любо-овь все живет в моем се-ердце больно-ом!»

(«Я достаточно плачу своему секретарю, чтобы никогда не слышать его пение», – скажет Валерий Василевич в 2017-м на суде, вспоминая этот день.)

Еще через пять минут Женя Маленький стучал в другую дверь, которую ему открыл бритоголовый Мариненко.

Игорь был завернут в огромное махровое полотенце, несколько напряжен.

– Через пять минут спущусь вниз.

Секретарь Василевича отодвинул его и вошел в номер, бесцеремонно плюхнулся в кресло.

– Игорь, ставки сделаны. Очкарик принял план А, и теперь он не Всеволода, а наш. Мы инвестируем в кампанию Горенко, Очкарик убеждает Всеволода, договор должен быть подписан не позже чем завтра. Ни одна живая душа не знает об этой встрече. А кто знает, перестанет быть живой душой... Шучу!

Женя Маленький пьяно заржал и налил себе еще.

В этот момент дверь ванной открылась, и в комнату вошла абсолютно голая Марьяна.

– А, черт! – вскочил секретарь, вопросительно глядя на Мариненко. – На кой черт тебе сегодня шлюхи?! Б...дь, вся охрана будет уволена. Через час жду.

И, не оглядываясь, покинул номер.

Глава 5

Счастья не будет

Майдан, 2014, январь

...На Майдан Марьяна поехала с температурой.

Тимофей ночевал у Ромы. Марьяне не нравилась его новая жена – промытая, как и его машина, высокая блондинка без груди, скорее напоминающая транссексуала, чем бабу. Но теперь у них так модно: пиджак, белая рубаха, хвост, прозрачные, ничего не выражающие глаза, безукоризненная машина и безукоризненная вежливость. Такие женщины спокойно раздеваются, если пазл «движения вперед» не косячит, никогда не напиваются, не рыдают, не хотят детей, равнодушны к прошлому. Она работала в каком-то «реанимационном пакете реформ», и Марьяна все пыталась представить человека, который придумал эту ху...ту – «реанимационный пакет». Как эти люди, в принципе, могут называть себя журналистами? Но бывшему мужу она не говорила ни слова. В конце концов, он заслужил свое счастье... Ну, или представление о нем.

Белобрысый отмытый транссексуал на «ленд-круизере». Черные очки. Размер груди – минус один.

Прав был Чехов: любовь не преображает, она срывает маски. И женщина или мужчина, которых ты полюбил, всегда есть отражение твоего внутреннего мира, твоих запросов. Впрочем, возможно, ему просто нужна была эта стерильность и понятность, эта «борьба за гендерное равенство».

Интересно, он орет ей в минуты гнева, что она – сука? Маловероятно. А как они трахаются? Каков Роман, она знает, а девица в сексе наверняка сосредоточенна и серьезна, словно на презентации для потенциального донора.

Не то чтобы она ревновала, но все это казалось каким-то ненастоящим, опереточным, словно Роман не жил, а участвовал в очередном проекте. И если принять это как исходное, то происходящее – всего лишь пародия, кавер-версия настоящей жизни, где люди рыдают по ночам, посылают друг другу сумасшедшие смс-ки вроде «Будь ты проклят, пидорас!» и «Верни мне через Стаса мою зеленую кожаную куртку, я больше порог этой квартиры не переступлю».

Позже, через несколько лет после Евромайдана, Марьяна познакомится с вордовским файлом нового романа Виктора Пелевина «iPHuck10», в котором этот родоначальник «новой искренности» элегантно подьет писателя Акунина, сделав своим героем некоего Порфирия Петровича – «полицейско-литературного робота», который расследует преступления и пишет отчеты о них в форме популярных детективов. Как известно, Акунин и сам не прочь поэксплуатировать жанр сомнительный из-за бесконечных компиляций, а тут еще Пелевин с его пересмешками. Получилась такая пародия на пародию. Как Ромина любовь к транссексуалу в черных очках. Ну и, конечно, этот самый iPHuck10 – самый дорогой любовный гаджет конца XXI века, разрешенный тренажер для виртуальных занятий сексом. Транссексуал бы от такого не отказалась. Не потому что любит секс, просто престижно.

...Да, Марьяна пошла на Майдан с температурой, но никакого подвига в этом не было, хотя и звучало пафосно – жила она прямо на площади Независимости, над старым отелем, где всегда крутились чиновники, командировочные и подозрительные чеченцы.

Просто у нее была температура, она горела и боялась смерти. Никто не знал, что время от времени на нее накатывала волна липкого ужаса, и она боялась, что однажды с ней что-

то случится и Тима будет никому не нужен, особенно этому транссексуалу с прозрачными глазами.

В такие дни Марьяна не очень ладила с жизнью, только делала вид, что ладит. И все пыталась представить, каковы они, последние минуты ухода человека, когда очень рано, но все равно неизбежно.

Вырвавшаяся десять лет назад из родительского дома, она так и не смогла до конца принять новую жизнь. Когда ее спрашивали, чем она занимается, говорила о журналистике нехотя, словно сидела на чемоданах и собиралась в дорогу, известную ей одной.

Однажды на очередном пресс-пати Марьяна встретила Кумира. Он узнал ее мгновенно, очень удивился теперешнему ее положению и нерешительно спросил, что она делает сегодня вечером. Марьяна не стала усложнять его жизнь согласием. Она знала о комфортном браке с дочерью не то министра, не то зама, о карьере, идущей в гору, и отлично понимала, что во всем этом ей места нет. А он не тянул на героя короткого приключения: быстрый секс с рано облысевшим, стремительно полнеющим завсегдатаем рок-н-рольной тусовки ей был ни к чему.

Но в последнее время ее не отпускало чувство надвигающейся беды, сосущее предчувствие, и в такие дни она искала опоры, сравнивая свое состояние с вечными снами, где она падала с верхнего этажа многоэтажки в маргинальном районе, в плотной метели, больше всего на свете желая, чтобы невидимые руки подхватили ее в снежном водовороте, удержали и спасли... Но никакого спасения в этих снах не было. Только метель и чувство неотвратимости, которое растянулось на целую жизнь.

Бывший муж предлагал ей своего психотерапевта. (О боги! Оказывается, они с транссексуалом ходят к психотерапевту!) Марьяна отказалась. Сама мысль, что ей придется рассказывать чужому человеку о своих взаимоотношениях с матерью или ее бойфрендами, о своих липких снах, угрюмом просмотре порно или слезах о прекрасной осени в девятом классе, была ей невыносима. Рассказывать кому-то о том, что ты прячешь даже от себя...

По вечерам она смотрела старые фильмы Антониони, читала незамысловатые саги Кейт Аткинсон и листала Фейсбук, где была зарегистрирована под дурацким именем Марьяша Нио-чем. Ей и вправду иногда казалось, что она совсем ни о чем.

Между тем, это было не совсем так. Марьяна за эти десять лет сделала громкую журналистскую карьеру и уверенно вошла в пятерку лучших. С ее мнением считались, часто цитировали и даже приглашали в эфиры больших каналов. Конечно, аутичность, закрытость и нежелание примкнуть к какой-либо части журналистского сообщества не шли ей на пользу. Ее не любили, сторонились, считали выскочкой и почти фриком. Даже красота ее раздражала мужчин, потому что очевидно диссонировала с повадками: нежелание воспользоваться таким очевидным ресурсом окружающие считали снобизмом и высокомерием. И только Мурик обожал ее без всяких «но» и экивоков. Мурик был для нее почти подружкой, так как никогда не посягал ни на тело, ни на мысли. Ему достаточно было своего практически ежедневного медийного улова. О боги, боги мои, Мурик и вправду был полон тщеславия. Больше славы его интересовали только деньги. Неудачный и весьма короткий брак только укрепил его в мысли, что женщины – не его гаджет.

...Все началось с Нового года. Она ездила к матери в Конотоп. Не надо было ехать. Но перспектива встретить праздник вдвоем с сыном в гулкой пустой огромной квартире пугала. Хотелось тепла, защищенности, подарков. Она вспоминала зиму 2007-го и не могла понять, как выжила в те холодные, подсасывающие голодной тоской месяцы, как после развода едва удержалась от желания броситься в беспамятный, злой загул. Просто был ребенок, надо было привыкать быть одной, зарабатывать и выключать ночник у холодной постели.

Конечно, знала: позови она Романа – вернется. Но звать было так же смерти подобно, как подобен смерти утренний предрассветный холод, когда на работу к 9.00 и «кторебенкапо-тащитвсад».

Рома предложил нанять няню. Она отказалась. Марьяна понимала, что согласие на все его предложения делает это расставание фиктивным, а ей хотелось разрыва. Она не любила эту «дружбу» после расставания, эту безупречность в стиле «мы же нормальные люди». Она знала, что она – не нормальная, и не хотела включаться в эти тягостные игры.

Новый год в Конотопе был суперидиотской идеей. С какой стати она решила, что мандарины, родители и «Ирония судьбы» – это «так мило»? В полпервого было все съедено, тошило от «Киевского торта» и бессмысленных разговоров о «киевских сволочах».

Тима уснул, и она, пробормотав что-то о встрече с подружкой, метнулась в метель, в пустые улицы с редкими пьяными компаниями, в вой петард и алчные глазницы трех местных ресторанов, распахнутых настежь. Кому-то звонила, с кем-то встречалась: в городе оставалось какое-то количество одноклассников, умственная отсталость которых не позволила им свалить хотя бы на чешские стройки или заняться заменой памперсов итальянским пенсионерам.

Очнулась утром в родительском доме (о, этот материнский инстинкт!), с размазанной под глазами тушью, черными мешками и затравленным взглядом в зеркале. Ах, как давно она не видела этот свой собственный взгляд – предвестник страха, депрессии, ненависти к прошлому и растерянности перед будущим. Через несколько часов, сделав вид, что позвонили из редакции, наспех собрала Тиму, села в машину и уехала, попрощавшись с натянутой улыбкой и обещанием «приезжать почаще».

– Нет, уж лучше вы к нам... – пробормотала сквозь зубы, тихонько включив какой-то джаз, чтобы не разбудить сына. Попустило только, когда увидела указатель «Киев».

Но, конечно, заболела. Температура подскочила до 38, пришлось звонить Роману, чтобы забрал сына. Просто не хотелось вылезать из-под одеяла, не то что ходить в магазин или готовить. Роман приехал мгновенно, собрал сына в своей арийской манере, оставил на кухне пакет с икрой, апельсинами и ее любимым Бородинским хлебом. Тимка был счастлив и отчалил в папину оболонскую квартиру с тремя компьютерами и Евой Браун за одним из них (второй – Ромкин, третий – гостевой).

Две недели Марьяна сражалась не столько с гриппом, сколько с чем-то страшным и липким внутри себя. То ей казалось, что кто-то скребется среди ночи в дверь, то чудились ночные звонки, то становилось не по себе от мыслей о будущем. Вдруг стало понятно, что жизнь она проиграла.

Конечно, ее знали как крепкого профессионала из той породы стерв, которым совсем не нужно в глубоком декольте бегать по Парламенту, заглядывая в каждый рыбий взгляд в поисках признания или неожиданной удачи. Вне всяких сомнений, она вполне в состоянии заработать себе на жизнь, особенно не унижаясь и не выпрашивая, отлично зная, где именно лежат в журналистике деньги. Разумеется, вокруг много мужчин, и до самой старости их будет столько, сколько она пожелает.

Но ужас был в том, что ничего этого она не хотела – ни профессии, ни денег, ни мужчин. Она не хотела подруг, путешествий, СПА-салонов, летучек на канале, смс-ок от випов, уютных ресторанов, интересных книг, музыки в машине, снега в свете фонарей, луны, солнца, поющего Ивана Дорна, Савика Шустера, икры, перспектив и обещаний. Как там у Дмитрия Львовича Быкова?

*Депрессия – это отсутствие связи.
За окнами поезда снега – как грязи.
И грязи – как снега зимой.*

Только мысль о Тиме заставляла ее сердце биться чаще, но именно эта мысль делала ее страх перед будущим осязаемым и плотным, как авария на пустой дороге.

...Она брела между палатками по Крещатику, слабо радуясь тому факту, что «кругом люди» и можно передохнуть от заходящегося стука собственного сердца, от теней по углам квартиры, от мыслей о бессмысленности тьмы, которая обступала ее со всех сторон. Из палатки выглянул симпатичный кудрявый дядька в камуфляже:

– Девушка, заходите, погреемся. У нас чай и бублики!

Марьяна скривилась в «благодарственной» улыбке, почти прошептала: «Спасибо, я спешу», – и поволоклась дальше в снежную пыль.

Вспомнила, как однажды, в такую же снежную пыль, на третьем курсе, познакомилась с тремя очень симпатичными парнями в уютном сумском кафе, где играл джаз и хорошо одетые люди неспешно беседовали о чем-то за столиками. В те годы у нее едва хватало денег на чашку кофе, но Марьяна приходила сюда читать и греться, оттягивая возвращение в общежитие. Тогда один из ребят, в красном свитере, с голубыми девичьими глазами и почти застенчивой улыбкой, битый час развлекал Марьяну рассказами о своей учебе в Лондоне. Он был явно лидер в этой компании и постоянно цыкал на своего друга, победнее одетого, пытающегося сойти за своего при помощи бородатых анекдотов и шуток уровня спальных районов. Третий – долговязый, в черной володачке и пиджаке – не проронил ни слова. Казалось, ему скучна вся эта возня вокруг Марьяны, и один бог знает, почему он не покидал это странное сборище.

Наконец красавчик в красном свитере пригласил их к себе – как обычно, когда вечер заканчивается, а расходиться неохота. Все трое казались Марьяне настолько неопасными, что она согласилась. Красный свет не включился. И когда мачо через 10 минут после первого же бокала красного позвал ее на разговор в соседнюю комнату и начал бесцеремонно раздевать, Марьяна уперлась в свое «не хочу», не сомневаясь в праве на это. Пощечина, короткая, но жестокая борьба и наконец грязные оскорбления и проклятия.

Долговязый возник в дверях комнаты, как привидение. Мрачно уставился на девушку в разорванной кофте с разбитой губой.

– Что тут происходит, Красавчик?

– Да вот эта сучка делает вид, что не понимает, зачем мужчины приглашают баб на хату! – с ненавистью проговорил Красавчик, проводя ладонью по расцарапанной щеке.

– Но, кажется, дама не очень хочет. А желание дамы – закон. Нежелание, кстати, тоже...

Посмотрел на Марьяну равнодушно, снял пиджак, накинул на плечи.

– Быстро надела обувь – и вон отсюда! Пиджак дарю.

– Данила, я ее поил целый вечер! Какого хрена?!

Долговязый не удостоил друга ответом и молча вытолкнул Марьяну в ночь. В такую же пургу, которая потом будет часто сниться ей по ночам. И которая, словно амок, гнала ее по улице в этот вечер.

...Горло горело, не давая ни глотать, ни дышать. Но она почти физически ощущала невозможность вернуться в теплую квартиру. Что-то гнало ее все дальше от дома. Она буквально задыхалась от ненависти к толпе и желания броситься на шею первому встречному, крича: «Помогите, помогите!»

На углу Владимирской и Богдана Хмельницкого волновалась толпа человек в сто.

«Господи, да они его убили!» – орал какой-то пацан, рыдая и ежесекундно вытирая слезы собственной шапкой. Рядом стояло такси с распахнутыми дверцами, за рулем неподвижно каменел водитель с сигаретой в скрюченных пальцах. Толпа гомонила, пересказывая подробности: люди в масках, «коктейли Молотова», биты, оружие, выстрелы по машине. Рядом с машиной лежал парень лет двадцати пяти с пулевым ранением в грудь. Тяжело дыша, он удивительно кротко смотрел перед собой, словно разглядывал облака. Господи, что, что ей это напоминало с такой смертельной очевидностью?!

И тут она вспомнила. Да, она вдруг вспомнила с пугающей ясностью эту бессмертную сцену из «Войны и мира»: «В эту минуту Наполеон казался ему столь маленьким, ничтожным человеком в сравнение с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким, бесконечным небом с бегущими по нем облаками».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.